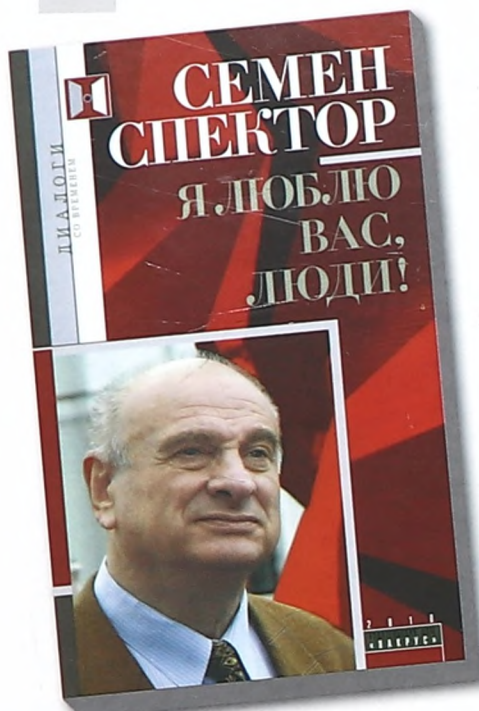

Вышла в свет написанная известным уральским врачом и организатором здравоохранения Семеном Спектором книга «Я люблю вас, люди!» (издательство «Пакрус», образная концепция, макет и художественное оформление Виктора Солдатова).

Сегодня за мемуары берутся многие и нередко те, кому делать этого, думается, не стоило бы.

Хотя бы потому, что написанное ими любопытно лишь ограниченному кругу родственников и знакомых автора. Настоящий широкий интерес к мемуарному изданию может вызвать только масштаб личности человека, решившего рассказать о своей жизни. Семен Исаакович Спектор как раз такой человек — человек удивительной судьбы, насыщенной неординарными событиями.

Добрая память о бескорыстии

Мальчик из еврейской семьи, чудом выживший в жутчайших условиях фашистского гетто, стал действительным членом Академии прикладной медицины и Академии медико-технических наук. Он — заслуженный врач России, почетный гражданин Свердловской области и Екатеринбурга, почетный начальник госпиталей России. С 1973 по 2004 год возглавлял крупнейший в стране (который сам и построил) Свердловский областной клинический госпиталь для ветеранов войн. В 1997—2005 годах работал заместителем председателя правительства Свердловской области по социальной политике. Награжден многими орденами и медалями, в том числе орденом «За заслуги перед Отечеством» IV степени, орденом Петра Великого I степени, орденом Пирогова — за выдающиеся заслуги в здравоохранении и успешную деятельность в обеспечении здоровья граждан. Все эти звания, награды и должности (а перечень далеко не полный) — свидетельства яркой, прожитой с пользой для общества жизни. В книге «Я люблю вас, люди!» читатель найдет

ответ, почему ее автор удостоен столь высокого признания власти и общества. А еще — и это, пожалуй, самое главное — очень ведь интересно и полезно познакомиться с рассуждениями такого человека о судьбе и времени. Таков, кстати сказать, и точно найденный подзаголовок книги — «14 глав о судьбе и времени».

Несомненное ее достоинство в том, что написана она живо, хорошим языком. Насыщена описанием ярких эпизодов, передающих дух и приметы времени.

Детство Семена кончилось очень рано. На восьмой день после начала войны фашисты уже заняли поселок Крыжополь Винницкой области, где жила его семья. Ему, младшему из детей, было тогда пять лет. Глава, посвященная воспоминаниям о жизни, вернее сказать, о существовании в условиях оккупации, одна из самых пронзительных в книге.

«Забрав у нас дом для старосты, нас загнали в гетто. В гетто я провёл 956 суток. Это не просто дни или ночи. Это девятьсот пятьдесят шесть дней ожидания смерти».

«Да, я все помню. А как я могу забыть «живые ямы» — изобретение фашистов для уничтожения евреев?.. Я видел такую «живую яму». И не дай бог видеть это никому больше — ни в какие времена. Подгоняли партию евреев, заставляли их копать яму. Потом загоняли их в нее. Подгонялась вторая партия евреев, которых заставляли бросать землю на тех живых, что в яме... А потом, когда яма была почти заполнена землей, начинались волны. Это земля ходила-ходила, двигалась-двигалась... А потом амплитуда этих волн уменьшалась, уменьшалась... А потом земля становилась ровной... Фашисты экономили на всем. Даже на пудах».

«Отцу устроили публичную пытку в назидание другим. Всех согнали на площадь, эсэсовцы на лошадях окружили нас плотным кольцом. Тот, кто предал, был удостоен высокой награды фашистов — он лично бил моего папу брусом, из которого торчали гвозди. У папы был пробит череп в четырех местах».

Спас Спектора-старшего знакомый фельдшер, он вывел его из комы и поставил на ноги. «И это

было чудо. Чудо, которое дает профессия врача — так сегодня комментирует исцеление отца доктор медицинских наук С. Спектор. Наверное, тогда и стала постепенно зарождаться мысль, что его миссия — спасать людей.

После окончания школы Семен в 1953 году поехал в Москву, учиться в мединституте. Но парня не приняли потому, что он побывал в гетто и считался «неблагонадежным». Ему еще долго пришлось страдать из-за этого. По этой причине его даже не пустили на Всемирный фестиваль молодежи и студентов в Москве. Гораздо серьезней шлейф «неблагонадежности» дал себя знать, когда Спектор в 1967 году, окончив лечебно-профилактический факультет Свердловского государственного медицинского института, собирался в ординатуру при кафедре нервных болезней, о чем ходатайствовал и руководитель той кафедры известнейший нейрохирург Давид Григорьевич Шефер. Но приняли другого, у которого была не запятнанная войной анкета.

В Свердловский «мед» Спектор — исполнилась-таки его мечта — поступил, отслужив без малого три года в армии, в Уральском военном округе. Он вспоминает о том дне, когда эшелон с новобранцами привез его в ноябре 1958 года в Свердловск: *«Мне было — светло. От белого-белого снега, который в таком количестве я видел впервые, от устремленных в небо уральских сосен. В моей душе жило предощущение счастья. Я знал, что я буду, непременно буду счастлив здесь. И только здесь».*

Не попав в ординатуру при кафедре нервных болезней, С. Спектор решил осваивать нейрохирургию в нейрохирургической клинике областного госпиталя для ветеранов Великой Отечественной войны.

«Я счастлив, что работал в госпитале. И счастлив тем, что попал в такой замечательный коллектив... А что касается специализации по черепно-мозговой травме, то были годы, когда я был специалистом первой руки в нашей Свердловской области».

Особо проникновенные, благодарные слова найдены при рассказе о наставниках, учителях в профессии — для Д.Г. Шефера, З.С. Манелис, Л.П. Цигель, Д.Л. Крупаткиной, К.Г. Галл, Л.Н. Нестерова...

«Я благодарен им за то, что они готовы были со мной заниматься не только утром, днем и вечером, но и

ночью, чтобы вдолбить мне в голову азы неврологии и практическую нейрохирургию».

«Давид Григорьевич Шефер был из числа одержимых своей работой. Его портрет у меня до сих пор в кабинете, и каждый день я, давно уже взрослый и давным-давно не Сенечка, а Семен Исаакович, с ним беседую. Я задаю ему всегда один и тот же вопрос: «А как бы вы поступили, Давид Григорьевич?» И он мне отвечает, хотите — верьте, хотите — нет. «Сенечка, ты должен сделать все, что можно, чтобы спасти больного. Не дай ему умереть».

«Для меня работа стала образом жизни. И я должен вам сказать, что это великое для мужчины счастье, когда женщина — его женщина, та, которая рядом с ним, — это понимает». Сособой любовью Семен Исаакович пишет о своей жене — «у нас с ней сердце одно на двоих». «Моя Ася все на свете успевала: и преподавать в УПИ, и ухаживать за больными родителями, и дочерей наших растить, и диссертацию писать». Семья, считает он, всегда была опорой в его жизни.

Со временем госпиталь, с первого года войны разместившемуся в старом здании школы на улице 9 Января, стало тесно. Жертв Великой Отечественной войны становилось все больше и больше — старые болезни, прежние ранения и контузии ветеранов давали о себе знать иногда спустя десятилетия. Родилась идея построить госпиталь на новом месте. Построить настоящий, новый Госпиталь с большой буквы. И опять С. Спектор с благодарностью называет имена помогавших в этом деле.

«И первая очередь, и вторая были построены на деньги, которые заработали свердловчане на коммунистических субботниках. Они работали в свои выходные дни, работали сверхурочно, а заработанные деньги перечисляли для того, чтобы выстроить Дом Добра и Исцеления для тех, кто спас когда-то мир. Это была народная стройка...

Добрая память о бескорыстных делах — только она лишь и остается».

«Мы все желали того, чтобы наш новый госпиталь получился удачным. И он получился. Он получился очень удачным. Он несет людям добро и исцеление, надежду и свет. И одна из моих любимых фотографий — это наш госпиталь с высоты неба. Фотографию эту сделали с вертолета, а мне кажется,

что это я смотрю на мой госпиталь с высоты прожитых лет».

Назвав свою книгу «Я люблю вас, люди!», С. Спектор и пишет с любовью о людях, с которыми сводила его судьба (фашисты и их пособники здесь, разумеется, не в счет — это не люди). Есть, правда, редкие исключения. И что характерно, эти исключения, как правило, касаются тех, кто доставлял неприятности не лично ему, этих он не осуждает, этих, считает, научит или накажет сама жизнь. Семен Исаакович непримирим к тем, кто вредил главному детищу его жизни — Госпиталю.

Верность госпиталю С. Спектор сохранил и после того, как ему предложили перейти на работу в правительство области. Он отказывался, но выбора не было. Губернатор Эдуард Россель и председатель правительства Алексей Воробьев приезжали в госпиталь, чтобы уговорить коллектив отпустить начальника на другую работу.

«Коллектив меня отпускает не хотел. Общественные организации ветеранов тоже... Несколько лет был начальником госпиталя бесплатно, то есть я приезжал сюда, здесь работал, не получая денег. Мне было трудно. Но я держался».

Пока наконец не нашел замену, предложив на свое место Виктора Сергеевича Башкова. «Помимо медицинских знаний и опыта работы в нашем госпитале у него был еще один плюс. Витя — сын фронтовика. Это очень важно для руководителя такого учреждения, как наше». Сам же Семен Спектор остался почетным начальником Свердловского областного клинического психоневрологического госпиталя для ветеранов войн.

Годы берут свое. И незадолго до своего 70-летия Семен Исаакович ушел из правительства области. Но на этом его трудовая биография не кончилась. Он принял предложение губернатора возглавить новый Институт медицинских клеточных технологий. И снова С. Спектору приходится строить в прямом и переносном смысле этого слова. *«У института хорошее будущее. Вы только вдумайтесь: третий в России институт! Я буду отстаивать его — сколько хватит сил...*

Это мое новое дело. Продолжение моей любви. Все той же любви, которой я служу всю жизнь, — любви к людям».